

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ (СЕВЕРСКИЙ)

Игорь Викторович КИРИЛЛОВ (СЕВЕРСКИЙ) родился в 1954 году в городе Красный Луч Луганской области. Окончил Уральский государственный университет (1987). Работал редактором газеты «Варта», заместителем редактора газеты «Местное время», руководителем пресс-центра объединения «Нижевартовскнефтегаз», Думы автономного округа.

Стихи печатались в газетах, коллективных сборниках и альманахах Югры, в журнале «Литературная учёба». Автор сборников «Письмена» (Нижевартовск, 1997), «Фрески» (Ханты-Мансийск, 2004). Член Союза российских писателей. Живёт в Нефтеюганске. Возглавляет пресс-службу главы администрации Нефтеюганского района.

С 55-летием!

АЙ ДА СУКИН СЫН!

*К Пушкину А.С., 1799 года рождения, всё ниже написанное
не имеет ни малейшего отношения.
Все совпадения случайны.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Холера, осень, Болдино, дожди.

Поникшей ржи несжатая полоска.

И в голове стальной пружинной вьётся:

«Тепла не жди, да и добра не жди.

Живи: не верь, не бойся, не проси».

Откуда это в душу прилетело?

Забавно, в эту осень то и дело
Осколки фраз вонзаются в мозги.
Как будто где-то был гигантский взрыв.
Вся мудрость предыдущих поколений
Отправилась скитаться по Вселенной,
Как яростный и пламенный призыв.
Призыв к потомкам? К Богу?
В пустоту?
Мольба о помощи, а может,
Клич прощальный...
Как зябко, право слово, стало в спальне.
Пора вставать и падать в суету
Привычных дел и тягостных забот.
Долги гнетут, торопят кредиторы...
А что в столице?
Сплетни да раздоры.
Любовь, измены, карты, ссоры, споры.
Пустых страстей густой водоворот.

По крайней мере, пишут так ему.
Наверное, пытаются утешить.
Мол, караван идёт, собаки брешут...
Так далее, подобное тому...
А вот письмо – затеяли журнал.
Однако, нынче мода на журналы.
Зовут к себе, считают дельным малым.
Хотел им отказать – не отказал.
А вдруг да не откажутся платить,
Подумал вслух. Да, деньги будут кстати.
Ведь надо как-то жить –
И вон с кровати.
Да, друг старинный лучше новых двух.

2

Перо скрипит, рождается строка.
Доволен он – сегодня занят делом.
Но фраза, что недавно прилетела,

Застыла, словно пуля у виска.
Шумит, стучится, требует впустить.
Так пьяный путник ломится в ворота.
И нужно, хоть и страшно неохота,
Вставать, идти ворота отворить.
Но путник что? У печки враз заснёт.
А эта – нет. И ход привычный мыслей
Нарушен будет.
Скуксится и скиснет набор готовых строф.
И всё пойдёт, покатится куда-то.
Жуть берёт. Так лёд бывает взломан половодьем.
Оковы рухнули. И дерзостно, свободно.
Река бежит вперёд.
Вперёд! Вперёд!

3

Вот и теперь шальная эта мысль
Ему твердит: живи, не верь, не бойся.
Твори, не прогибайся и борись
И больше ни о чём не беспокойся.
Вот это жизнь! Вот это, братец, жизнь!
А что же свет? Долги, желанный чин?
Мужчине не пристало быть без чина.
А может, в этом кроется причина
Его хандры... Одна из тех причин.
А как всё было сладко и легко.
Слегка прогнулся... Ножкой шаркнул лихо.
Он помнит, как мгновенно стало тихо.
Как было удивленье велико.
И как внезапно, сразу стал любим.
А всё вокруг твердило и бурлило:
О, как же ты нам всем необходим,
Взойди же, наше новое светило!
И, кажется, доволен был сатрап,
Что всё довольно мило завершилось,
Что всё свершилось и, скажи на милость,
Каков арап,
Чудесный наш Арап!

4

А тут опять – не бойся, не проси.
Таких не любят, как таких не любят!
Их быстро забывают, быстро губят.
Творят такое – Господи, спаси...
Но поздно, право, поздно причитать.
Ему уже доподлинно известно,
Что будет дальше...
Мыслям будет тесно.
На жизнь, на свет, на ласку – наплевать.
Вдруг захотелось что-то почитать.
Из своего, да, да – из «Годунова».
И он прочёл: «Вначале было слово!»
И удивился...
Начало светать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(Царствование Александра II (Освободителя). Первая треть)

1

Халат, чубук, свеча чадит.
И жить не радостней с годами.
Того гляди, вперёд ногами
Уж понесут, душа болит.
Увы, не нужен никому,
Судьбина выбросила фортель.
Не нужен даже Бенкендорфу,
«Мой друг, мир праху твоему».
Что книги? Встали в стройный ряд,
Друг друга подперев боками.
Молчат, не спорят с дураками,
Есть-пить не просят, не горят.
Что деньги?
Нет их, как всегда,
Но нет долгов – не занимают.
Да дети, правда, навещают,
Но очень редко – вот беда.

2

Что Натали? Она молчит.
Не суждено ей стать Ланскою.
На мир в окно глядит с тоскою,
Там солнце зимнее горит.
Что Государь? Он увлечён
Реформой да ещё девицей.
Нельзя им, правда, пожениться,
Но это всё им нипочём.
Нам повезло – он не дурак.
В России это, право, ново.
Того глядишь, свободу слова
Дарует нам. Гражданский брак,
Суд независимый,
Свободы.
Совсем с ума сойдут народы
От этих вольностей... Чудак.
Свои убьют, сотрут, сомнут.
Им это дело так знакомо.
«Да он опасней Пугачёва,
Наш Государь...». Суров их суд,
И наказание сурово.

3

Читатель скажет: «Что за бред?
Погиб поэт, нам год и век известен.
В рассвете лет погиб
Невольник чести.
И никаких сомнений в этом нет».
Всё верно. Лошади храпят.
Возок стрелой несётся к речке Чёрной.
Седок чуть задремал,
Вчера упорно что-то сочинял
И плохо спал. Вот, прикорнул.
Привиделось ему.
Усталость, грусть, забвение и старость.

Но он проснулся. Где-то там остались
Свеча, халат.
Всё кануло во тьму.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

(Наши дни)

1

Ну вот, сбылось.
Я – памятник. Стою
Здесь, на Тверском.
Заметьте, весь из бронзы.
Поклонницы кладут к подножью розы.
Кладут любовь и преданность свою.
Я возведён на мощный пьедестал.
Пред ним Москва торгует и клубится.
А мой народ на образ мой молиться
Уже готов.
Ну, вот вам и финал.
Финита ля комедия –
Я Бог.
Такой разброс, что шире не бывает.
Сначала убивают, забывают,
А ныне пресмыкаются у ног.
Поют осанну, издают труды.
Портреты, улицы, музеи,
А я стою вот тут и бронзовею.
Посмертной славы сладкие плоды!
Меж тем, потомок умер в нищете.
Он не был ни гуляка, ни бездельник,
Но прожил жизнь он как-то «мимо денег»,
Сгубил талант в тоске и суете.

2

Довольно странно мой народ живёт.
Чтоб он ни делал – поздно или рано
Власть над собой он отдаёт тирану

И славу деспоту без устали поёт.
Потом грустит, на кухнях водку пьёт,
Ворчит и ковыряет пальцем рану,
Свободы ждёт... Что ж?
Поздно или рано
Священный миг свободы настаёт.
Но не надолго. Новая заря
Народу дарит нового царя.
Да, Саша Пушкин – ай да сукин сын!
Не повезло тебе, mon cher,
С народом.
Зачем в жестокий век
Восславил ты свободу?
На кой она, свобода эта, им?
И без неё наш доблестный народ
Веками припеваючи живёт.

3

Так он стоял и думал о народе,
О Родине своей и о свободе,
А также о превратностях судьбы.
О бунтарях, пророках и тиранах.
В Москве была жара. И утром ранним
Асфальт дымился и ловил следы.
Как это просто – свой оставить след.
Лишь надо пробежаться утром знойным
По мягкому асфальту, и довольно.
И дальше жить, не знать ни мук, ни бед.
Не знать зубов насмешницы судьбы,
Глухих утрат, коварства славы поздней,
А нужно лишь легко и грациозно
Повсюду разбросать свои следы.
И вот он – памятник: разбитым каблукам,
А также старым, сношенным подошвам,
Солдатским сапогам и босоножкам...
Всем нам минувшим.
И грядущим – нам.